

Павлов Михаил Юрьевич

А. И. МИКОЯН И ФОРМИРОВАНИЕ СТАЛИНСКОЙ ФРАКЦИИ В ПОЛИТБЮРО

В настоящей статье рассматривается политическое противостояние генерального секретаря ЦК ВКП(б) И. В. Сталина и других ленинских наследников, последовавшее за смертью вождя. Представлен процесс активного участия А. И. Микояна в устранении лидеров "левой" оппозиции и "правого уклона", а также рассмотрены сложности, с которыми был вынужден столкнуться Сталин на своем пути к вершине политического олимпа. На примере одного из членов сталинского "узкого руководства" показано, что победа будущего вождя в многолетней борьбе за власть стала возможна во многом благодаря формированию собственной фракции в Политбюро.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2014/1-2/39.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2014. № 1 (39): в 2-х ч. Ч. II. С. 153-159. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2014/1-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

AXIOLOGICAL PARAMETERS AND BIOETHICS ALTERNATIVES: SOCIAL CONDITIONALITY

Nikulina Marina Alekseevna, Ph. D. in Philosophy, Associate Professor
Southern Federal University
nikulina_marina@mail.ru

In the article the sociological analysis of bioethics discourse axiological component is presented as the main one in the theoretical-practical explication of human existence under the conditions of bio-technological progress. The author comes to the conclusion that bioethics ethic-axiological essence not only models the matrixes of value transdisciplinary reflection in medical practice context, but also creates a social-methodological potential of comprehension and activity in other areas of innovative practice.

Key words and phrases: bioethics; bioethical discourse; axiology; ethic-axiological assessment; sociological analysis.

УДК 930:902

Исторические науки и археология

В настоящей статье рассматривается политическое противостояние генерального секретаря ЦК ВКП(б) И. В. Сталина и других ленинских наследников, последовавшее за смертью вождя. Представлен процесс активного участия А. И. Микояна в устранении лидеров «левой» оппозиции и «правого уклона», а также рассмотрены сложности, с которыми был вынужден столкнуться Сталин на своем пути к вершине политического олимпа. На примере одного из членов сталинского «узкого руководства» показано, что победа будущего вождя в многолетней борьбе за власть стала возможна во многом благодаря формированию собственной фракции в Политбюро.

Ключевые слова и фразы: И. В. Сталин; А. И. Микоян; «левая» оппозиция; «правый уклон»; борьба за власть; сталинизация Политбюро; единоличное лидерство.

Павлов Михаил Юрьевич, к.и.н.

Кубанский государственный университет (филиал) в г. Армавире
kinpavlov@mail.ru

А. И. МИКОЯН И ФОРМИРОВАНИЕ СТАЛИНСКОЙ ФРАКЦИИ В ПОЛИТБЮРО®

Сталинская диктатура – одно из ключевых явлений советского периода нашей истории. Ее появление стало возможным в результате многолетней борьбы за власть между ленинскими наследниками, сопровождавшейся устранением всех «видов» оппозиции и постепенной сталинизацией высшего политического органа страны – Политбюро. Пример с А. И. Микояном, который принимал непосредственное участие в установлении сталинской системы управления государством, прекрасно отображает процесс выдвижения Сталина на роль лидера в системе «коллективного руководства» и является своего рода лакмусовой бумагой для понимания логики принятия решений того периода.

Анастас Иванович Микоян с самого начала своей активной партийно-государственной карьеры примыкает к фракционной группе, которая в ходе большой политической игры объединяется вокруг будущего вождя. В результате при содействии Микояна происходит формирование политического порядка, в котором вся полнота власти концентрируется в руках просталински настроенного «узкого руководства», где сам И. В. Сталин отвечает за определение «генеральной линии» партийной политики.

Разбиравшийся в людях, Сталин был знаком с Микояном с 1919 года, сумел присмотреться и объективно оценить его организаторские способности, исполнительность, высокую работоспособность, а главное – отсутствие личных амбиций и стремления претендовать на первостепенные роли. Поэтому, когда развернулась ожесточенная борьба за власть между представителями старой партийной элиты и Сталину понадобились молодые и всецело преданные ему сторонники, он сделал все необходимое, чтобы привлечь Микояна на свою сторону. Оказавшись в водовороте политических баталий, самый молодой нарком и кандидат в Политбюро принимает деятельное участие в разгроме всех «видов» оппозиции. Позднее, после выхода на пенсию, рассуждая о политическом устранении Л. Д. Троцкого, Г. Е. Зиновьева, Л. Б. Каменева, Н. И. Бухарина, А. И. Рыкова и других, Микоян напишет: «Я был искренне убежден, что именно так и только так должны были себя вести мы, принимая решение об оппозиции. Вопрос стоял ребром: –Или – или» [10, д. 166, л. 374].

Оставшееся после смерти Ленина «коллективное руководство» единодушно выступало за индустриализацию как неминуемую фазу развития страны. Основной же проблемой, расколовшей его ряды на непримиримых противников, становится принципиальный вопрос о сроках и методах осуществления промышленного рывка. Как станет понятно позже, не в последнюю очередь эта проблема использовалась в качестве средства борьбы за власть.

Первой, с кем пришлось всерьез столкнуться сталинской фракции, была объединенная оппозиция «левых» во главе с Л. Д. Троцким, Г. Е. Зиновьевым, Л. Б. Каменевым. Выступая за форсированную индустриализацию, они настаивали на ее сверхускоренных темпах. Средства для воплощения своих идей на практике «левые» предлагали получать в основном за счет «кулаков» и нэпманов, то есть нещадной эксплуатации деревни.

На апрельском пленуме 1926 года, окончательно рассорившись со Сталиным, Зиновьев и Каменев впервые выступают единым фронтом с Троцким, политические амбиции которого первоначально вызывали наибольшие опасения «наследников». Требуя поправок к резолюции «О хозяйственном положении и хозяйственной политике», оппозиционеры протестуют против экономических средств решения проблем крестьянства. Всего через месяц объединившиеся «левые» подвергают критике и сталинско-бухаринский курс внешней политики.

Сталин с самого начала своего единоличного восхождения предпочитал выглядеть стороной, вынужденно защищающейся от нападков. Но летом 1926 года он переходит к активным действиям. На июльском объединенном пленуме ЦК и ЦКК блок «левых» был обвинен в создании всесоюзной нелегальной организации, противопоставляющей себя партии и раскалывающей ее ряды. В результате И. В. Сталину и Н. И. Бухарину не только удается исключить из Политбюро Г. Е. Зиновьева, но и провести в жизнь ряд важных решений. Прикрываясь нависшей угрозой раскола партии, с целью увязать работу Политбюро с местами и предотвратить разлад среди кандидатов в члены Политбюро вводятся руководители крупных промышленных центров. Все пятеро выдвинутых – Г. К. Орджоникидзе, С. М. Киров, А. А. Андреев, А. И. Микоян и Л. М. Каганович – являлись яркими противниками объединенной троцкистско-зиновьевской оппозиции. Так к восьми ранее избранным кандидатам в члены Политбюро было добавлено еще пятеро, которые вскоре и составили костяк сталинской фракции в Политбюро.

Сразу же после июльского пленума у А. И. Микояна состоялись неофициальные переговоры со И. В. Сталиным, А. И. Рыковым и Н. И. Бухариным. Микоян вспоминает: «После июльского Пленума ЦК меня пригласил для беседы Сталин. Передо мной был поставлен вопрос: как бы я отнесся к выдвижению на должность наркома внешней и внутренней торговли СССР, поскольку Каменев должен быть освобожден от этой работы» [Там же, л. 304].

Не вызывает сомнения, что идею заменить видного оппозиционера Каменева лояльным Микояном выдвинул и пролоббировал Сталин, который особо нажимал с нужным ему назначением. Связано это было с тем, что в решениях Политбюро и СНК второй половины 20-х годов вопросы Наркомторга занимали перво-степенное место. В сложившейся политической обстановке, когда в руководстве партии развернулись острые разногласия по вопросам развития торговли, сельского хозяйства, промышленности, Наркомторг, в котором сосредотачивались все основные противоречия, приобретал особую актуальность. Именно поэтому уже в августе 1926 года одного из лидеров оппозиции сменяет на этом посту всецело преданный Сталину Микоян.

14 августа его позиции были еще более усилены. Решением Политбюро Л. Б. Каменев освобождается от обязанностей члена Совета Труда и Оборона (СТО), а на его место назначается Микоян, который к середине августа 1926 года уже являлся членом ЦК ВКП(б), ЦИК СССР, кандидатом в члены Политбюро, народным комиссаром внешней и внутренней торговли и членом СТО. Представляя собой симбиоз высшего партийного и государственно-хозяйственного руководителя, Микоян в противостоянии с «левыми» являл собой грозную силу. К тому же на занимаемом им посту наркомторга особенно сильно ощущались пульс борьбы за индустриализацию и, соответственно, вся острота борьбы с оппозицией.

Осенью 1927 года внутривластное противостояние достигает своего апогея с последующей стремительной развязкой. На объединенном октябрьском пленуме ЦК и ЦКК троцкистско-зиновьевский блок терпит окончательное поражение. Например, Микоян, кроме конструктивной критики, говорил о доказанном на практике «идейном убожестве» оппозиции, а представленную ею «платформу» охарактеризовал как «оппозиционный талмуд, который является сборником антипартийных взглядов» и «отходной от ленинских позиций» [Там же, д. 311, л. 77]. В не менее резком тоне высказались и другие сталинско-бухаринские сторонники.

Уже 12 ноября был подготовлен «согласованный с Политбюро» проект постановления Президиума ЦКК об исключении Л. Д. Троцкого и Г. Е. Зиновьева из рядов ВКП(б). Они были названы «главными руководителями всей антипартийной деятельности». Кроме того, из проекта следовало, что Л. Б. Каменев, И. Т. Смигла, Г. Е. Евдокимов, Х. Г. Раковский и другие «левые» в связи с «совершенно недопустимыми для членов партии» действиями немедленно исключаются из членов и кандидатов ЦК. Сразу же проект разослали на срочное голосование с просьбой для проживающих в Москве «свое голосование прислать на этом же документе...» [9, д. 35, л. 103-106]. 14 ноября Троцкого и Зиновьева исключили из партии.

Менее чем через 20 дней после этого открывается XV съезд ВКП(б). Начиная свое выступление на съезде, Микоян назвал вопрос об оппозиции наиболее жгучим. Основное внимание в его сообщении было уделено разносной критике Троцкого, которого он, используя ленинское выражение, окрестил «маятником, качающимся от большевизма к меньшевизму». Особо остановился на том, что Троцкий, Зиновьев и Каменев отошли от социалистического строительства в сторону особой разновидности меньшевизма и создали новую троцкистскую партию: «Вы стали сейчас не просто фракцией, у вас не просто уклон, а отдельной партией, с собственной, чуждой нам идеологией, программой и собственными кадрами» [6, с. 35-36]. Так, по утверждению А. И. Микояна, уклон перерос в целое течение с противной большевикам идеологией, чем выдал «себе добровольно волчий билет от большевистской партии» [Там же, с. 36].

На XV съезде Микоян выступил, отстаивая позиции нэпа, раскритиковав предложение «левых» о насильственном изъятии у крестьян натуральных хлебных излишков. Он призвал собравшихся «наиболее безболезненно

выйти из полосы неизбежных затруднений», подчеркнув: «Чтобы добиться серьезного перелома в ходе хлебозаготовок, нужен решительный поворот. Этот перелом должен заключаться в переброске товаров из городов в деревню, даже за счет временного оголения городских рынков, с тем, чтобы добиться хлеба у крестьянства» [Там же, с. 18]. Таким образом, еще в декабре 1927 года один из главных сталинских соратников активно выступает за экономические средства решения вопросов в отношении деревни.

Переходя к Зиновьеву и Каменеву, самый молодой нарком назвал их «батраками Троцкого». Поблагодарив их за прошлую успешную борьбу с троцкизмом и работу в партии, он сослался на В. И. Ленина: «Что говорит Ленин о том, как надо поступать при измене вождей? <...> Чем –виднее” штрейкбрехеры, тем обязательнее немедля карать исключением». Призвав в тяжелый момент для партии взять на вооружение ленинский метод решения вопроса, Микоян подвел итог: «...партия должна решиться сказать на XV съезде: –Троцкистской оппозиции – крышка”» [Там же, с. 39-40].

Главная цель Сталина и его сторонников была достигнута: XV съезд окончательно закрепил разгром «левой» оппозиции, исключив из рядов партии еще 75 ее представителей, включая последнего крупного апологета – Каменева. Микоян, поддержав Сталина во внутрипартийной борьбе, выступил не только за отказ от ориентации на мировую революцию, но и за экономические меры в отношении крестьянства. Однако через некоторое время ему придется убедиться, что линия защиты нэпа использовалась Сталиным скорее как средство борьбы за лидерство.

Вскоре после окончания XV съезда во взглядах сталинского «узкого ядра» партийного руководства происходят коренные изменения. Чрезвычайные меры в деревне, которые Сталин и его окружение осуждали во время борьбы с «левыми», теперь начинают целенаправленно осуществляться на практике. Это указывает на взаимную связь между внутрипартийной борьбой и выбором пути дальнейшего развития страны. Историк В. П. Данилов обратил внимание на тот факт, что подготовленный еще в сентябре 1927 года проект резолюции «О хлебозаготовках на 1927-1928 год» откладывался до окончания XV съезда, на котором сталинская фракция выступила в роли защитника нэпа против «троцкистов и зиновьевцев» [1, с. 28].

Окончательный разгром объединенной оппозиции Троцкого – Зиновьева приводит к потере общего врага. Однако уже в 1928 году борьба за власть вспыхивает с новой силой. Мероприятия по снижению цен на закупаемый у крестьян хлеб и начало применения государством чрезвычайных акций вызывают протест со стороны Н. И. Бухарина, А. И. Рыкова и М. П. Томского. В июне 1928 года они требуют немедленно ослабить давление на деревню. Не до конца уверенный в своих силах, Сталин, к тому же недавно отвергнувший предложения о принудительном изъятии хлеба как авантюристические, был вынужден искать компромиссные решения. Для урегулирования вопроса хлебозаготовок образовали специальную комиссию, в которую наряду с Бухариным и Рыковым вошли Сталин и Микоян. В результате ее работы давление на деревню временно смягчается, а закупочные цены на зерно повышаются. Данный пример показывает, что на пути к единоличной диктатуре Сталин был вынужден учитывать мнение политических оппонентов, приводившее к существенным колебаниям в области экономической, социальной и карательной политики.

Готовя атаку на Бухарина, Рыкова и их сторонников, Сталин не был однозначно убежден, что его поддержит необходимое большинство. Поэтому до определенного момента он был вынужден искать в отношениях с «правыми» компромиссы и проводить излюбленную политику умелого маневрирования. Единственными, кто не внушал ему абсолютно никаких опасений, являлись В. М. Молотов и Л. М. Каганович. Остальные же члены правящего коллектива требовали дополнительной обработки. Например, у Микояна, на которого в предстоящей схватке с оппозиционерами Сталин возлагал большие надежды, установились хорошие личные отношения с Бухариным. Об этом красноречиво свидетельствует их частная переписка.

Так, совсем не нуждается в комментариях записка Бухарина о желании привлечь Микояна на работу в Коминтерне и о важности его работы в Наркомторге, датируемая летом 1928 года. Вот ее содержание: «Если бы ты работал в КМ, но, конечно, не за границей, а здесь, и я ей-богу был бы так рад, что до неба бы подскочил. Но как здесь быть? Ведь дело с НКТ тебе очень важно, а ты прямо величественный нарком (без комплиментов... ты – молодец из молодцов, я в тебя прямо влюблен по партийной и советской линии)» [8, д. 133, л. 17]. Или, переправляя А. И. Микояну «доверительное письмо», в котором описывается «недостойная» деятельность советского торгпреда Б. Г. Мдивани в Персии, Н. И. Бухарин открыто признается: «Я посылаю его только тебе, ибо считаю тебя не только наркомом, но и прекрасным товарищем, который поймет, почему я считаю нужным такое письмо передать тебе» [Там же, л. 7].

С другой стороны, Сталин, будучи тонким психологом, полагается на личную преданность Микояна, постоянно подкрепляя ее своим вниманием и благожелательностью. Занимаясь проблемами, по которым проходил водораздел в столкновениях с оппозицией, Микоян стоял перед необходимостью выбора. Он не мог оставаться в стороне и воздерживаться от критики отдельных предложений «правых»: необходимо было занять позицию.

Например, выступая на июльском пленуме 1928 года с докладом о политике хлебозаготовок, Микоян подчеркнул свою «особую позицию»: «...тех, которые желают экстраординарные меры превратить в постоянную нашу политику, можно было бы назвать левой опасностью, тех, которые желают свернуть партийную политику на буржуазные рельсы, можно было бы назвать правым уклоном. Обе тенденции являются опасными и антиленинскими» [10, д. 311, л. 90]. По сути дела, это означало, что он поддерживает меры, принятые Сталиным, лишь постольку, поскольку они являются временными. Но столь пассивная и безадресная критика «правых» не могла до конца устраивать будущего вождя, который придавал ключевое значение

искоренению колебаний внутри своего лагеря. К тому же нечто подобное нейтралитету выдерживали и другие члены Политбюро, например, такие именитые, как К. Е. Ворошилов и Г. К. Орджоникидзе.

Для И. В. Сталина не были секретом добрые личные отношения, установившиеся между Н. И. Бухариным и А. И. Микояном. Так, 28 июля 1928 года, в период «мягкого» противостояния со Сталиным, Бухарин, проявляя заботу о Микояне, писал генсеку: «Коба! Микоян ужасно выглядит. Мне даже шоферы говорят, что он так работает, что помрет. Его нужно заставлять периодически отдыхать. Мы его можем потерять совершенно неожиданно» [8, д. 133, л. 16].

О том, что самый молодой нарком и кандидат в члены Политбюро находился до определенного времени под подозрением, свидетельствует и сталинская переписка с В. М. Молотовым. В августе 1928 года Сталин писал своему ближайшему соратнику – единственному, на кого мог рассчитывать в полной мере: «Ни в каком случае нельзя дать Томскому (или кому-либо другому) – «подкачать» Куйбышева или Микояна» [2, с. 9]. Основания для подобного рода выводов Сталину давало тесное общение Микояна с лидерами «правых». Например, незадолго до сталинского письма Молотову в переписке с Бухариным и Томским Микоян консультировался с ними по вопросу о замене одного из своих заместителей по Наркомторгу. Бухарин и Томский сошлись во мнении, что самым слабым местом в наркомате является внешняя линия, а самой подходящей кандидатурой – Б. С. Стомоняков [8, д. 133, л. 56-57]. Приняв информацию к сведению, 20 сентября Микоян пишет письмо Сталину: «Без дополнительного зама мне не управиться. Ты не можешь представить, как грандиозно выросли задачи НКТорга. <...> Лучше всего устроил бы меня Пятаков, но его отняли у меня. После него меня может устроить только Стомоняков. Напиши свое мнение» [11, д. 765, л. 51].

Считая некоторых своих сторонников недостаточно стойкими, Сталин при осуществлении «революции сверху» был вынужден имитировать непредвзятость и даже миролюбие по отношению к «правым». В то же время он не упускал случая, чтобы указать на неэффективность отстаиваемой Бухариным и его приверженцами политики компромиссов с зажиточными слоями деревни. 17 сентября 1928 года генсек с сарказмом писал Микояну: «Твою записку получил. Видно, с хлебом дело пойдет. Приходится признать, что Бухарин теряет возможность повести «форсированное наступление на кулака» путем нового повышения цен на хлеб. Можешь ему сказать, что я вполне понимаю его положение и почти соболезную» [2, с. 9]. Всего через десять дней в обращении все к тому же Микояну Сталин, демонстрируя показную объективность, тоном победителя декларирует: «Многие думали, что снятие чрезвычайных мер и поднятие цен на хлеб есть основа устранения затруднений. Пустые надежды пустых либералов из большевиков» [4, с. 207].

Осенью 1928 года чаша весов в противостоянии с «правыми» откровенно начинает склоняться на сторону будущего вождя. При этом, дискредитируя оппонентов, Сталин сохраняет относительно мягкий критический тон. Например, 26 сентября, обращаясь к Микояну, он с видимым «сожалением» отзываясь о стороннике Бухарина – секретаре Московского горкома ВКП(б) Н. А. Угланове: «Он оказался, к сожалению, безнадёжным путаником и в политических, и в организационных вопросах. Жаль, очень жаль» [2, с. 9]. Скорее всего, сохранявшаяся Сталиным подчеркнутая «политическая беспристрастность» была обусловлена желанием правящего коллектива предотвратить окончательный раскол в стане ленинских соратников. И Сталин, будучи «великим дозировщиком», прекрасно видел и понимал это, в связи с чем до определенного времени был вынужден себя сдерживать. Поэтому прав О. В. Хлевнюк, считающий, что «даже для тех членов Политбюро, которые поддержали Сталина, группа Рыкова – Бухарина не была равна предшествующим оппозициям Троцкого и Зиновьева. Бухарин, Рыков, Томский, Угланов даже в период острого противостояния оставались более «своими» [12, с. 28].

Еще осенью 1928 года те, кто вскоре станет называть И. В. Сталина «хозяином», вряд ли догадывались, что в ближайшее время Н. И. Бухарин, М. П. Томский и А. И. Рыков будут лишены членства Политбюро и окажутся на второстепенных ролях.

Во второй половине ноября 1928 года курс на продолжение нэпа потерпел окончательное фиаско. Хотя данный факт не привел сразу к изоляции главных сталинских оппонентов, но существенно ускорил развязку противостояния. В знак протеста Бухарин демонстративно отказывается от работы в «Правде» и «Коминтерне», а Томский – в ВЦСПС. Но бурю негодования среди членов Политбюро вызвала не столько их «забастовка», сколько раздобытые Сталиным в январе 1929 года записи разговора Бухарина с Каменевым. 11 июля 1928 года состоялась откровенная беседа поверженного и «стоявшего на очереди» оппозиционеров. Имея на руках подобную информационную бомбу, Сталин представил сей факт в качестве фракционных переговоров, сделав его основным пунктом обвинения против «правых», а себя изобразил жертвой интриг оппонентов.

Н. И. Бухарин не заставил себя долго ждать и в конце января написал письмо, в котором подверг резкой критике всю пагубность сталинского курса. На объединенном заседании Политбюро и Президиума ЦКК от 30 января критика деятельности ЦК со стороны Бухарина была признана «безусловно, несостоятельной». Его нападки на «внутрипартийный режим» окрестили «сползанием на ту самую позицию – «вободы идейных группировок», которую занимала троцкистская оппозиция в начальной стадии своего развития». Заявление Бухарина и Томского о том, что их «прорабатывают» и создают «организационное окружение», вынуждая настаивать на своей отставке, также подвергло резкой критике. Объединенное заседание признало, что Н. И. Бухарин явным образом колеблется в сторону выработки «новой» линии, отличной от партийной. Ему предложили решительно отмежеваться от линии М. И. Фрумкина в области внутренней политики и от курса социал-демократов в Коминтерне. Просьбу об отставке Бухарина и Томского отклонили, призвав их «лояльно

выполнять все решения ЦКК, партии и ее ЦК» [9, д. 40, л. 46-51]. В ответ Бухарин отверг эти предложения, противопоставив им свой проект резолюции, который был отрицательно воспринят всеми членами комиссии.

В этой связи абсолютно справедливым выглядит замечание О. В. Хлевнюка, утверждающего, что «Сталин оказался победителем не только благодаря своей жестокости, решительности и коварству, но и потому что «правые», особенно Бухарин, допустили ряд тяжелейших политических ошибок» [12, с. 30].

Несмотря на очевидный перевес сил, будущий диктатор продолжает действовать с присущей ему осмотрительностью, публично заявляя о своей готовности к компромиссам. Его вынужденную осторожность демонстрирует одно из февральских писем Молотова, посланное отсутствовавшему в это время в Москве Микояну: «Объединенное заседание выбрало Комиссию для выработки резолюции на основе осуждения поступка Николая. Переговоры с Каменевым и предложение уйти в отставку. Однако Николай и Михаил настаивают на отставке. Алексей не выдвигает своей отставки. Николай прочел заявление, тебе посланное первого февраля. **Придется** (выделено мною – М. П.) дать ответ с резкой критикой закулисных переговоров в фракционном блоке и самих взглядах Николая, ведущих к поддержке правых» [9, д. 40, л. 36].

Последней каплей, переполнившей чашу терпения сталинского большинства в Политбюро, за которой вскоре последовал открытый процесс устранения приверженцев «правого уклона» с занимаемых постов, стало еще более антисталинское письмо Бухарина, Рыкова и Томского от 9 февраля. В этот же день члены объединенного заседания Политбюро и Президиума ЦКК настоятельно потребовали от Бухарина и Томского неукоснительно выполнять все решения ЦК. Но «правые» с завидным постоянством играли на руку Сталину, предпочитавшему выглядеть жертвой их нападков. Как результат, апрельский пленум ЦК и ЦКК 1929 года, категорично осудив действия Бухарина, Рыкова, Томского, зафиксировал их решительное поражение.

23 апреля объединенный пленум одобрил резолюцию совместного заседания Политбюро и Президиума ЦКК по внутривнутрипартийным делам от 9 февраля. Пленум признал, что группа Бухарина, Томского, Рыкова от колебаний между линией партии и «правого уклона» окончательно перешла к защите позиций последнего. Кроме того, в вопросе о роли партийно-государственного аппарата и внутривнутрипартийном режиме «группа Бухарина» обвинялась в воспроизведении «самых злостных обвинений, когда-либо направлявшихся троцкистской оппозицией против партии». Пленум констатировал начало фракционной борьбы и определил в качестве главной задачи «полное преодоление правого уклона и примиренческого отношения к нему». В результате, сославшись на интересы единства партии, объединенный пленум постановил:

а) осудить взгляды группы т. Бухарина... как не совместимые с генеральной линией партии и совпадающие в основном с позицией правого уклона, обязав их беспрекословно проводить решения партии и ее органов;

б) осудить закулисные переговоры т. Бухарина с т. Каменевым как наиболее яркое выражение фракционности группы Бухарина;

в) осудить политику отставок тт. Бухарина и Томского как грубое нарушение партийной дисциплины;

г) снять тт. Бухарина и Томского с занимаемых ими постов («Нравда», «Жоминтерн», ВЦСПС) и предупредить, что в случае малейшей попытки с их стороны нарушить постановление ЦК и его органов они будут немедленно выведены из состава Политбюро как разрушители партийной дисциплины;

д) Политбюро должно принять меры к тому, чтобы в выступлениях отдельных членов и кандидатов Политбюро не допускать какие бы то ни было отклонения от линии партии...» [Там же, д. 41, л. 175-179].

В то же время все трое продолжали оставаться членами Политбюро, сохраняли устойчивые позиции в партийно-государственном аппарате. Например, Рыков занимал посты председателя Совнаркома и Совета Труда и Оборон. Поэтому следующей стадией сталинской борьбы за власть стало исключение «правых» из высших партийно-государственных органов.

Весна 1929 года показала, что частичные сомнения Сталина в отношении Микояна не оправдались, и в начавшемся новом витке борьбы с оппозицией он доказал свою верность, полностью солидаризировавшись с генеральной линией. Теперь, окончательно войдя в антибухаринское большинство, Микоян лично принимает непосредственное участие в «проработках» «правых».

Одной из важных задач сталинского руководства становится устранение опоры оппозиционеров. Начинается целенаправленное ослабление Бухарина, Рыкова, Томского через исключение из различных партийных и государственных структур их сторонников. Так, в августе 1929 года Сталин писал Микояну с юга:

«Здравствуй, Анастас!

Приветствую Бюро ЦК с решением о разгроме «Экспертного Совета». Наконец-то будет разгромлен очаг буржуазной хозполитики. Важно теперь, чтобы это решение не осталось на бумаге. Господ Громанов, Виноградских и прочих «работников» – проводников буржуазной политики нужно немедленно вышибить и услатить куда-нибудь подальше от Москвы, чтоб московские правые не могли их опять втихомолку «устроить». В противном случае есть опасность, что Бухарин завербует их в свою «новую» (совсем новую!) левокадетскую партию...» [10, д. 62, л. 72-73].

Сталин с присущей ему основательностью готовил окончательный разгром бухаринской группы. В этом ему частично помогли и бывшие лидеры «левой» оппозиции. 28 октября 1929 года, незадолго до ноябрьского пленума, исключившего Бухарина из Политбюро, с очередным покаянным письмом к ЦК партии обращается Зиновьев. Открещиваясь от оппозиции и признавая правильной линию партии в крестьянском вопросе, индустриализации, пресечении фракционной борьбы, Зиновьев заявляет, что «линия ЦК была и остается ленинской». Следом он утверждает, что «правая оппортунистическая опасность» представляет наибольшую угрозу

«в борьбе против остатков троцкизма» [9, д. 41, л. 209-210]. Таким образом, один из лидеров разбитой оппозиции решил завоевать доверие Сталина посредством столь необходимой тому критики «правых уклонистов».

Не отказываясь от своих взглядов, Бухарин продолжает борьбу с генеральной линией, в результате чего летом и осенью 1929 года допускает еще ряд ошибок, умело используемых Сталиным и его сторонниками. Достигнув в противостоянии с Бухариным столь необходимой «критической массы», генсек окончательно отбрасывает все предосторожности. 17 ноября 1929 года пленум ЦК исключает из Политбюро бывшего «любимца партии».

Устранив Бухарина из высшего политического органа страны, Сталин продолжает использовать удобные случаи, чтобы укрепить антибухаринский настрой в своем окружении. В личной же переписке с недавно поверженным соперником он по-прежнему предпочитает демонстрировать показную беспристрастность и старается выглядеть чуть ли не жертвой: «Я никогда не отказывался от разговора с тобой. Как бы ты меня ни ругал, я никогда не забуду той дружбы, которая у нас была. Я уже не говорю о том, что интересы дела требуют от каждого из нас безусловного забвения каких бы то ни было «яичных обид». Мы всегда могли бы поговорить, если этого захочешь» [11, д. 709, л. 36], – писал Сталин Бухарину 13 декабря 1929 года.

Близился XVI съезд партии, поэтому «избиение» «правых» только усиливалось. Например, фонд Микояна в РГАСПИ был переполнен показаниями допросов с признанием своей вины различных групп оппозиционеров, которые были присланы ему по поручению Сталина. Здесь и протоколы допросов сторонников «правых» с признательными и обличающими «правых уклонистов» свидетельствами. Показания секретаря Каменева Ф. П. Швальбе, в которых он полностью признает проведение фракционной работы, в деталях рассказывает о переговорах Каменева и Бухарина. По данным Швальбе, ими достоверно обговаривалась возможность замены в Политбюро Сталина на Каменева. Рассказав о четырех подобных контактах, Швальбе указал, что переговоры велись в присутствии Пятакова, а одна из встреч даже происходила на его квартире. В июле 1930 года на имя Микояна приходит записка лично от Сталина с приложением копий писем Зиновьева «в связи с закулисными переговорами между Каменевым и Бухариным» и препроводительной запиской ОГПУ [9, д. 45, л. 1-54]. Подобных протоколов с признаниями в фонде десятки.

Летом 1930 года состоялся XVI съезд партии, на котором в отношении «правых» царил полное единодушие. Например, не склонный к крайностям Микоян назвал «правый уклон» самой главной опасностью, отражающей кулацкую идеологию, подчеркнув, что его лидеров «мало били» и что они «заслужили куда большего». Микоян призвал при отстаивании интересов партии перестать руководствоваться жалостью. При этом он постарался сразу же расставить акценты, отметив, что «настроения жалости не только не помогают ошибающимся товарищам, но мешают и затрудняют им вовремя признать свои ошибки и встать на правильный путь. Будем ждать, – подчеркнул Микоян, – что тт. Рыков и Томский наконец под ударами съезда дойдут до этого» [7, с. 39]. Это показывает, что в отличие от «левых», заслуживших ярлык оппозиции, по отношению к «правым уклонистам» местами сохранялся особый настрой.

Продолжая критику, Микоян остановился на том, что съезд ждал от Рыкова открытого признания своих ошибок, большевистской оценки «правого уклона» и, главное, готовности решительной борьбы с ним. Вместо этого со стороны Рыкова, Томского и Угланова дело свелось к признанию хоть и важных, но отдельных погрешностей, в результате чего «съезд имеет все основания не доверять этим товарищам, пока они по-настоящему не признают, по-настоящему не оценят своих ошибок» [Там же, с. 41].

Поведение оппонентов Микоян назвал «целой системой ошибок» и «программой другой партии в зародыше», по сути, представляющей собой противоположную ЦК генеральную линию. Заканчивая раздел своего выступления, посвященного Рыкову, Томскому и Угланову, молодой сталинский соратник подчеркнул, что «их речи на этом съезде не были правыми речами», что они «своими речами отошли от правого уклона, но к генеральной линии еще не пришли» [Там же, с. 44].

Вскоре после съезда при формировании новых руководящих органов партии Томского не включают в состав Политбюро. Что касается Рыкова, то он пока сохраняет место в высшем политическом руководстве страны. Его смещение с поста председателя Совнаркома и вывод из Политбюро теперь становятся основной заботой Сталина.

После XVI съезда генсек активно использует Микояна в борьбе с оставшимися противниками. В письме к Молотову от 13 сентября 1930 года он говорит о смертельной болезни, которой больна центральная советская верхушка: СТО, СНК, Совещание замов, что она «имеет тенденцию превратиться в штаб Рыкова – Пятакова... противопоставляющий себя Центральному Комитету партии» [5, с. 217]. Настаивая на коренных мерах, Сталин напоследок обязал Молотова ускорить возвращение из отпуска Орджоникидзе и Микояна, которые совместно с Рудзутаком и Куйбышевым должны были изолировать Рыкова и Пятакова в СТО и Совещании замов.

Нахождение сталинского партийного аппарата в состоянии полной мобилизации дает свои результаты. В декабре 1930 года, на объединенном пленуме ЦК и ЦКК (который в последний раз собирался в апреле 1929 года), на посту председателя Совнаркома Рыкова заменяет верный сталинец Молотов. Вдобавок к этому, Рыкова исключают из состава Политбюро. Таким образом, к концу 1930 года Сталину удается разобраться с последним авторитетным противником, представлявшим опасность для его властных устремлений. Потерпев поражение, приверженцы более умеренного курса развития страны оказываются на второстепенных, ничего не решающих ролях. У кормила власти остается сталинская фракция.

Главным итогом политического противостояния ленинских наследников явилось утверждение Сталина в качестве единоличного лидера и окончательная сталинизация Политбюро. Расправившись с основными конкурентами из состава «левой» оппозиции и «правого уклона», Сталин сосредотачивает в своих руках всю полноту власти в стране. В дальнейшем это позволит вождю провести серию централизованных репрессивных

операций против бывших оппозиционеров. Инициированные «хозяином» чистки второй половины 30-х годов преследовали цель физического уничтожения остатков «ленинской гвардии» и завершения процесса тотального подчинения членов сталинской фракции, еще обладавших признаками политической самостоятельности [3, с. 131-135]. Выйдя победителем из многолетней борьбы в Политбюро, И. В. Сталин окончательно подавил элементы «коллективного руководства», сумев образовать из руководящего партийного органа страны жестко централизованную и всецело подчиненную ему организацию.

Список литературы

1. Данилов В. П. Трагедия советской деревни: коллективизация и раскулачивание: документы. М.: РОССПЭН, 1999. Т. 1. Май 1927 – ноябрь 1929 года. 880 с.
2. Квашонкин А. В. Советское руководство. Переписка: 1924-1941. М.: РОССПЭН, 1999. 519 с.
3. Павлов М. Ю. А. И. Микоян и политические репрессии второй половины 30-х годов // Человеческий капитал: ежемесячный научно-практический журнал. 2011. № 2.
4. Писаренко К. А. Тридцатилетняя война в Политбюро: 1923-1953 гг. М.: Вече, 2006. 368 с.
5. Письма И. В. Сталина – В. М. Молотову 1925-1936 гг.: сборник документов / составители: Л. Кошелева, В. Лельчук, В. Наумов, О. Наумов, Л. Роговая, О. Хлевнюк. М.: Россия молодая, 1995. 303 с.
6. Речь А. И. Микояна // XV съезд ВКП(б). М.: Государственное издательство, 1927. Бюллетень № 8. С. 31-40.
7. Речь А. И. Микояна // XVI съезд ВКП(б). М.: Государственное издательство, 1930. Бюллетень № 10. С. 38-52.
8. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 84. Оп. 1.
9. РГАСПИ. Ф. 84. Оп. 2.
10. РГАСПИ. Ф. 84. Оп. 3.
11. РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11.
12. Хлевнюк О. В. Хозяин: Сталин и утверждение сталинской диктатуры. М.: РОССПЭН, 2010. 479 с.

A. I. MIKOYAN AND STALIN'S FACTION FORMATION IN POLITBURO

Pavlov Mikhail Yur'evich, Ph. D. in History
Kuban State University (Branch) in Armavir
kinpavlov@mail.ru

In the article the political confrontation of the General Secretary of the Central Committee of the All-Union Communist Party of Bolsheviks I. V. Stalin and other Lenin's successors is considered, which followed the leader's death. The process of A. I. Mikoyan's active participation is presented in the elimination of the leaders of "left" opposition and "right-wing deviation", and also the difficulties are considered, which Stalin had to encounter on his way to the peak of political Olympus. By the example of one of the members of Stalin's "narrow leadership" it is shown that the future leader's victory in the struggle for power of many years became possible to a large extent due to own faction formation in Politburo.

Key words and phrases: I. V. Stalin; A. I. Mikoyan; "left" opposition; "right-wing deviation"; struggle for power; Politburo Stalinization; sole leadership.

УДК 391

Искусствоведение

В статье представлены результаты авторских исследований народной одежды якутов в контексте их традиционного мировоззрения. Основное внимание автор уделяет историко-искусствоведческому анализу художественных особенностей одежды по материалам устного народного творчества. Выявлена сакрально-обрядовая функция одежды, раскрыто символично-смысловое содержание ее декора, украшений. Также рассмотрена ритуальная значимость одежды в различных обрядовых ситуациях.

Ключевые слова и фразы: фольклор; традиционная одежда; обряд; ритуал; символ; магическая функция одежды; ювелирные украшения.

Петрова Светлана Ивановна, к.и.н., доцент
Северо-Восточный федеральный университет, г. Якутск
sakhafolklor@rambler.ru

САКРАЛЬНО-ОБРЯДОВАЯ ФУНКЦИЯ ОДЕЖДЫ (ПО МАТЕРИАЛАМ ЭПОСА-ОЛОНХО «НЮРГУН БОТУР СТРЕМИТЕЛЬНЫЙ»)[©]

В устном фольклорном творчестве якутов, особенно в героическом эпосе – олонхо, содержится огромный информативный материал о предметах материальной культуры: деревянной утвари, конском убранстве, промысловых и хозяйственных принадлежностях, одежде и других предметах быта. Олонхо, таким образом,